

Ту Сянсян сказала:

— Значит, когда мы придём в Бодхимандлу Пути, надо быть осторожнее.

Хуа Юньсян кивнул:

— Да, лучше не спрашивать их напрямую...

Ту Сянсян спросила:

— Что ты собираешься делать?

Хуа Юньсян подумал и улыбнулся:

— Ты умеешь гримироваться?

Ту Сянсян ответила:

— Немного умею.ПРЕДЛОЖЕНИЕ:

Хуа Юньсян сказал:

— Сможешь загримироваться под женщину средних лет (женщину средних лет)?

Ту Сянсян ответила:

— Наверное, смогу.Хуа Юньсян сказал:

— Тогда я хочу, чтобы ты сыграла роль женщины средних лет и попросилась в Бодхимандлу Пути, чтобы тебя приняли.

Ту Сянсян спросила:

— А причина какая?

Хуа Юньсян ответил:

— Муж тебя бросил.

Ту Сянсян покраснела и засмеялась:

— Боюсь, я плохо сыграю и выдам себя.

Хуа Юньсян сказал:

— Если ты сама поверишь в это, то сыграешь хорошо.Ту Сянсян сказала:

— Ладно, я попробую изо всех сил, но сначала мне нужно раздобыть одну-две одежды женщины средних лет (женщины средних лет).

Хуа Юньсян сказал:

— Это легко, мы можем купить пару вещей у какой-нибудь бедной женщины.

Ту Сянсян спросила:

— А если они откажутся меня принять?

Хуа Юньсян сказал:

— В буддийском храме, где творят добро, как же не примут страдающую? Если вдруг откажут, ты притворись, что хочешь покончить с собой.

Ту Сянсян спросила:

— Как именно покончить?

Хуа Юньсян сказал:

— Будешь плакать и говорить, что повесишься, или бросишься головой на храмовый столб.

Ту Сянсян спросила:

— А если они увидят и не спасут?

Хуа Юньсян сказал:

— Я думаю, до этого не дойдёт. Не нужно так много переживать.

Ту Сянсян спросила:

— Если они согласятся меня принять, как мне вести разведку?

Хуа Юньсян сказал:

— Найди какую-нибудь старуху, которая любит поболтать, побольше с ней сблизься, создай возможность, чтобы она заговорила о Чжоу Эрнян...

У восточного подножия гор Лушань был склон, густая тень закрывала небо, пейзаж был довольно красив. Бодхимандла Пути располагалась на более высоком склоне, к ней вела каменная тропинка прямо к главным воротам.

На первый взгляд Бодхимандла Пути была невелика: всего два зала — передний и задний — и

десяток с лишним келий, но окрестности были тихими и уединёнными, полными покоя — воистину хорошее место для духовной практики.

В тот день женщина средних лет с измождённым лицом, прижимая к себе узелок, с низко опущенной головой и рыданиями подошла к буддийскому залу Бодхимандлы Пути.

Судя по виду, эта женщина средних лет попала в какую-то беду и отчаянно нуждалась в чужой помощи.

Она остановилась у входа в зал и, опустив голову, плакала навзрыд.

В буддийском зале в это время семь или восемь служек с волосами, практикующих в миру, совершали полуденную службу. Все они слышали, что снаружи плачет женщина, но никто не вышел спросить. Только когда закончили читать «Алмазную сутру» и совершили поклонение, все вышли из зала и спросили:

— Эта госпожа, почему вы плачете?

Женщина средних лет плакала:

— Я хочу поговорить с настоятельницей, хочу поговорить с настоятельницей...

Одна из старух ответила:

— Я здесь настоятельница. Говорите, госпожа, что у вас на душе.

Тон и манера были очень добрыми и приветливыми.

Женщина средних лет подняла на неё глаза, и в голосе её смешались горе и радость:

— О, вы и есть настоятельница Бодхимандлы Пути, монахиня Юаньцзюэ?

Старуха сложила ладони и ответила:

— Да, это я.

Женщина средних лет тут же опустилась перед ней на колени и с горечью заговорила:

— Наставница, умоляю, спасите меня! Я хочу стать монахиней! Я хочу принять буддийское учение!

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ поспешно подняла её и стала утешать:

— Госпожа, не печальтесь. Расскажите мне всё по порядку, какие у вас трудности. Пойдёмте, присядем в моей келье.

С этими словами она взяла женщину средних лет за руку и повела в одну из келий рядом с залом.

Она усадила женщину средних лет на табурет, налила ей чаю и сказала:

— Госпожа, выпейте чаю.

Женщина средних лет поблагодарила, взяла чашку, выпила залпом, а потом снова зарыдала, размазывая слёзы и сопли:

— Лучше бы мне умереть, чем так жить! Если бы кто-то не посоветовал мне прийти сюда, я бы уже покончила с собой...

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ утешала:

— Перестаньте плакать. Расскажите мне, что случилось.

Женщина средних лет вытерла слёзы:

— Судьба у меня горькая. Вышла замуж за никчёмного мужа. Он любит только есть и лениться, целыми днями дома пьёт вино и валяется пьяным. Мне приходится работать по найму, чтобы его прокормить. И это бы ещё ладно, но позавчера он решил заставить меня заняться проституцией. Наставница, вы подумайте, как я могу это вынести?

Сказав это, она снова зарыдала.

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ тихо произнесла буддийское имя и спросила:

— Госпожа, вы родом из каких мест?

Женщина средних лет, всхлипывая, ответила:

— Я из Цзинаньфу. Муж у меня по фамилии Чжао, зовут Чжао Эр. Я прожила с ним больше десяти лет, родила четырёх дочерей, и всех он продал. Что было в доме — всё продал. Деньги тратил либо на азартные игры, либо на выпивку. И этого ему мало, теперь он хочет заставить меня торговать собой. О небо, какая же у меня горькая доля!

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ выразила глубокое сочувствие, вздохнув:

— Ах, бывают же на свете такие никчёмные мужчины...

Женщина средних лет плакала:

— Вот именно! Не иначе как в прошлой жизни я задолжала ему много, вот в этой он меня так мучает.

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ спросила:

— А как вы оказались так далеко отсюда?

Женщина средних лет сказала:

— Я сбежала. Хотела найти место, где броситься в реку или повеситься. По дороге встретила одну старушку, она пожалела меня и сказала, что здесь есть Бодхимандла Пути, которая принимает несчастных женщин. Вот я и пришла. Наставница, сжальтесь надо мной, позвольте мне здесь принять постриг?

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ помолчала, раздумывая, потом спросила:

— Как ваше имя, госпожа?

Женщина средних лет ответила:

— Моя девичья фамилия Чжоу, а зовут Хуньюй.

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ спросила снова:

— Сколько вам лет?

Женщина средних лет сказала:

— Сорок один.

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ сказала:

— Судя по вашей речи, вы, кажется, учились грамоте несколько лет?

Чжоу Хуньюй ответила:

— Да, в детстве дома я ходила с братом в частную школу два года. Но сейчас я умею делать всё: и готовить, и стирать, и в поле работать, и в огороде — всё смогу!

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ сказала:

— В нашем храме такой порядок: если у вас есть деньги, принесите тысячу лянов серебра, и сможете спокойно проводить здесь остаток лет, не трудясь. Если денег нет, придётся больше работать. Сможете ли вы вынести тяготы?

Чжоу Хуньюй закивала:

— Смогу! Смогу! Наставница, только примите меня, я любые тяготы вынесу!

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ сказала:

— Тогда оставайтесь здесь пока на время, посмотрим. Если вы сможете вынести труд и отречься от мирских желаний, я тогда официально приму вас.

Чжоу Хуньюй обрадовалась, опустилась на колени и поклонилась:

— Благодарю за милосердие, наставница! Благодарю за милосердие!

Настоятельница монахиня Юаньцзюэ повернулась к одной из старух и сказала:

— Юаньмин, отведи её отдохнуть, а потом расскажи ей о наших порядках.

Старуха по имени Юаньмин отозвалась и сказала Чжоу Хуньюй:

— Госпожа, идите за мной.

Чжоу Хуньюй встала и пошла за ней из кельи настоятельницы.

Монахиня Юаньмин привела её в комнату в одной из келий у задней части храма и сказала:

— Эта комната будет вашей. Давно здесь не убিরали, нужно подмести, прежде чем лечь спать.

Чжоу Хуньюй сказала:

— Хорошо, спасибо, наставница. А вы, наставница, кем будете в храме?

Монахиня Юаньмин сказала:

— Я младшая сестра настоятельницы. В этом месяце моя очередь быть привратницей (принимать гостей).

Чжоу Хуньюй сказала: «Ах» — и промолвила:

— Я, несчастная, впервые в вашем храме, никого не знаю, ничего не понимаю. Прошу наставницу давать мне указания.

Монахиня Юаньмин кивнула:

— Я постепенно расскажу вам всё о нашем храме. Вообще-то мы не принимаем молодых женщин, но вам как раз уже за сорок, поэтому настоятельница согласилась вас принять.

Чжоу Хуньюй удивилась:

— Наставница говорит, что ваш храм не принимает женщин моложе сорока лет?

Монахиня Юаньмин сказала:

— Именно так.

Чжоу Хуньюй спросила:

— Почему?

Монахиня Юаньмин сказала:

— Потому что у женщин моложе сорока ещё нет твёрдой веры. Сегодня они просятся в монахини, а завтра могут пожалеть. Поэтому мы не принимаем женщин моложе сорока лет.

Чжоу Хуньюй поняла:

— Вот почему все наставницы в храме в возрасте, нет ни одной молодой женщины.

Монахиня Юаньмин слегка улыбнулась:

— Есть ещё одна причина, почему мы не берём молодых женщин. Но эту причину я скажу вам, когда вы официально примете постриг.

Чжоу Хуньюй сказала:

— Хорошо. Я слышала, что те, кто приходит сюда для пострига, все с несчастной судьбой, правда?

Монахиня Юаньмин кивнула:

— Да, у всех нас горькая доля, поэтому мы и приняли буддийское учение, чтобы исправить будущую жизнь.

Чжоу Хуньюй спросила:

— Сколько всего наставниц в храме?

Монахиня Юаньмин сказала:

— Двадцать пять.

Чжоу Хуньюй спросила:

— Как вы живёте?

Монахиня Юаньмин сказала:

— На подаяния верующих. Кроме того, у нас есть свои поля и огороды.

Чжоу Хуньюй спросила:

— Что мне теперь делать?

Монахиня Юаньмин сказала:

— Вы только пришли, сначала отдохните пару дней.

Чжоу Хуньюй сказала:

— Я не умею читать сутры. Что делать?

Монахиня Юаньмин улыбнулась:

— Я тоже не умела, когда только пришла. В будущем вы больше слушайте и смотрите, со временем научитесь.

После этих слов она слегка поклонилась и сказала:

— Ну вот, приберите сначала в комнате, а потом я приду и покажу вам всё вокруг.

Сказав это, она ушла.

Чжоу Хуньюй, когда та вышла, облегчённо вздохнула и улыбнулась:

— Слава Будде, наконец-то всё получилось.

Тут же она принялась убирать комнату.

Провозившись полдня, она наконец привела комнату в порядок. Вовремя подошла монахиня Юаньмин, неся одеяло, и сказала:

— Вот одеяло для вас. Здесь по ночам холодно, смотрите не простудитесь.

Чжоу Хуньюй рассыпалась в благодарностях.

Монахиня Юаньмин оглядела комнату и улыбнулась:

— Всё убрали?

Чжоу Хуньюй сказала:

— Да, наставница, посмотрите. Если где-то нечисто, я ещё уберу.

Монахиня Юаньмин улыбнулась:

— Не нужно, и так хорошо. Вы, наверное, проголодались?

Чжоу Хуньюй сказала:

— Нет, не голодна.

Монахиня Юаньмин сказала:

— Скоро время ужина. Я покажу вам храм и познакомлю со всеми. Пойдёмте.

Они обошли весь храм, встретились с более чем двадцатью служками, практикующими в миру, а потом пошли в трапезную на постный ужин. После ужина уже стемнело, и монахиня Юаньмин велела ей идти отдыхать.

Так прошёл день.

На следующий день после утренней службы Чжоу Хуньюй снова отвели в трапезную на завтрак, и она обратилась к монахине Юаньмин с просьбой:

— Наставница, сегодня вы обязательно должны дать мне какое-нибудь дело. Я не могу сидеть без дела.

Монахиня Юаньмин улыбнулась:

— Ну ладно. Монахиня Юаньтун, которая отвечает за уборку храма, последние дни нездорова. Вы пока подметите храм вместо неё.

Чжоу Хуньюй сказала:

— Хорошо, хорошо.

После завтрака она взяла метлу и принялась мести повсюду в храме.

Она работала очень усердно и, кого бы ни встретила, почтительно называла «наставница», так что быстро завоевала симпатии всех старух в храме.

— Хуньюй, не тяжело ли тебе? — подошла одна старуха, завязала разговор, улыбаясь.

Чжоу Хуньюй сказала:

— Не тяжело. Когда я была дома, я каждый день стирала на восемь семей, весь день без передышки, да ещё терпела обиды от того никчёмного мужа. Вот это было тяжело!

Старуха улыбнулась:

— Наши судьбы в чём-то схожи. В молодости я тоже вышла не за того человека, вышла замуж за никчёмного мужа, поэтому и пришла сюда в монахини. Эх, это уже тридцать лет назад было!

Глаза Чжоу Хунъюй засияли:

— О, вы уже тридцать лет здесь живёте?

Старуха сказала:

— Да, в Бодхимандле Пути я живу дольше всех. Просто я не училась грамоте, а то бы уже стала настоятельницей.

Чжоу Хунъюй спросила:

— Как ваше буддийское имя?

Старуха сказала:

— Меня зовут Цзинсинь.

Чжоу Хунъюй спросила:

— Вы, наверное, уже в преклонном возрасте?

Цзинсинь сказала:

— Восемьдесят семь.

Чжоу Хунъюй похвалила:

— В восемьдесят семь лет быть такой бодрой — это редкость!

Монахиня Цзинсинь, открыв беззубый рот, захихикала:

— Если бы я не ушла в монахини рано, меня бы давно на свете не было.

Чжоу Хунъюй сказала:

— Вот именно: не касаться мирской пыли, очистить шесть чувств — тогда и тело будет здоровым.

Цзинсинь улыбнулась:

— Верно! Смотри-ка, ты хоть и молода, а знаешь немало.

Чжоу Хунъюй сказала:

— Наставница, я уже не так молода!

Цзинсинь сказала:

— Для такого старого человека, как я, ты всё ещё молода.

Чжоу Хунъюй сказала:

— Это верно. Когда вы пришли в Бодхимандлу Пути, наверное, храм только недавно построили?

— Нет, когда я пришла, здесь была только небольшая молельня. Потом людей стало больше, и мы все вместе пошли собирать подаяние, так и построили этот храм.

Чжоу Хунъюй сказала:

— Бодхимандла Пути очень красиво построена. Особенно эти барельефы на стенах — в других храмах редко такое увидишь.

Цзинсинь сказала:

— Эти барельефы вырезала собственноручно одна наша покойная старшая сестра.

Чжоу Хунъюй спросила:

— О, кто она?

Цзинсинь сказала:

— Её буддийское имя было Цзинсю, она ушла в нирвану лет восемь-девять назад.

Чжоу Хунъюй спросила:

— Откуда она знала резьбу?

Цзинсинь сказала:

— Её отец был знаменитым на весь мир резчиком по имени Старец с гор Ушань. Она училась у него.

Чжоу Хунъюй сказала:

— С таким талантом, почему она тоже пришла сюда в монахини?

Цзинсинь сказала:

— Разошлась с мужем. Кстати, её муж несколько десятков лет назад тоже был известным человеком, говорят, обладал удивительным боевым искусством. Они прожили в браке десять лет, она родила ему пятерых сыновей. И кто бы мог подумать — он переменялся, связался с какой-то лисой-обольстительницей. Она с горя ушла из дома и пришла в Бодхимандлу Пути принять постриг.

Чжоу Хунъюй сказала:

— У неё был такой прекрасный навык, стоило бы обучить ученицу. Интересно, передала ли она своё умение кому-нибудь?

Цзинсинь сказала:

— Да, она обучила одну женщину. Эх, об этой женщине и говорить не просто...

Чжоу Хунъюй спросила:

— А что такое?

Цзинсинь покачала головой и вздохнула:

— Я не могу тебе этого рассказать. Наша настоятельница очень не любит, когда мы о ней упоминаем...

Чжоу Хунъюй тихо спросила:

— Почему?

Цзинсинь, словно опасаясь чего-то, оглянулась по сторонам и покачала головой:

— Лучше не говорить. Продолжай убирать, а мне нужно сходить на огород.

Сказав это, она быстро ушла.

Чжоу Хунъюй пришлось продолжать уборку храма.

Так прошёл ещё один день.

На третье утро, когда она подметала у главных ворот, она увидела Цзинсинь, которая с

корзиной для овощей направлялась к огороду. Чжоу Хуньюй сразу подошла и поздоровалась:

— Наставница, вы идёте на огород?

<http://bllate.org/book/19517/1913840>